

Итак, художественный метод составляет некую систему средств к достижению определенных целей, и невозможно думать, что на протяжении семи веков существования древней русской литературы для всех авторов и для всех жанров эта система была одной и той же. Всякого рода категорические суждения, узко определяющие в пределах немногих общих схематизирующих положений художественный метод всей древнерусской литературы от XI и до XVII в. включительно, как правило, не охватывают всего разнообразия художественных явлений, не учитывают развития литературы, ее движения вперед.

Больше того, как мы уже отметили выше, древнерусская литература поражает своим исключительным разнообразием художественных методов, сочетанием в одном произведении нескольких, иногда противоречивых художественных методов.

Единый художественный метод средневековой литературы выделить невозможно, так как каждый художественный метод составляет сложную систему и эти системы не совпадают. В дальнейшем, когда художественные методы древнерусской литературы будут изучены более или менее полно, можно будет, по-видимому, выделить некоторые общие для всех отдельных художественных методов средневековья признаки или, вернее, выделить какие-то типичные признаки, более или менее часто встречающиеся. Надо иметь в виду при этом, что средневековые так велико, продолжительно и разнообразно, что исключений из правил может оказаться даже больше, чем самих правил.

Ни один из признаков художественных методов средневековья не обладал, как мы уже сказали, всеобщностью. И это в значительной степени объясняется тем, что древнерусские художественные методы в гораздо большей степени порождены сознательной волей писателя, чем спонтанными явлениями.

Художественные методы литературы Древней Руси определялись в основном сознательным выбором, а не бессознательной необходимостью. Авторы предпочитали одни приемы, темы, стиль, язык и пр., отбрасывая другие, воспринимали методы переводной литературы, иногда фольклора, возвращались к художественным методам предшествующих литературных эпох и пр. Древнерусская литература обладала восприимчивостью к новому, к чужому, постороннему. Ее переводная литература была исключительно разнообразна. В ней были произведения, созданные в первые века христианства и почти современных ей литератур запада и востока, произведения византийские, южнославянские, древнееврейские, польские, чешские и пр. При этом у древнерусского читателя не было никаких поправок на эпоху, не было исторического взгляда на переводное произведение. Каждое произведение, когда бы и где бы оно ни было создано, воспринималось в его непосредственной данности. Следовательно, только невниманием к конкретному составу древнерусской литературы можно объяснить попытки свести все художественные методы к одному методу.⁷

⁷ Так, например, С. Азбелев в статье «О художественном методе древнерусской литературы» (Русская литература, 1959, № 4) утверждает, что в течение семи веков, а частично и дольше (заходя в XVIII в.) на Руси существовал только один художественный метод — «синкретизм» [термин, заимствованный не у А. Н. Веселовского, а из статьи Г. Гачева «От синкретизма к художественности» (Вопросы литературы, 1958, № 4)]. Метод этот существовал для всех веков, всех жанров, всех писателей, для литературы оригинальной и переводной. Сущность этого метода сводится к тому, что литература в средние века не была отъединена от науки, публицистики, религии. Но сущность художественного метода не может быть сведена к одной и притом вовсе не творческой черте.